

Кандауров Василий Алексеевич

Поменьше опеки

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
В19

В19 **Василий Алексеевич К.**
Поменьше опеки / Кандауров Василий Алексеевич – М.: Книга по Требованию, 2023. –
262 с.

ISBN 978-5-519-88023-7

ISBN 978-5-519-88023-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

лій Ивановъ, заглядывая въ комнату, откуда выбѣжалъ мальчикъ.

— И, не говорите, Василій Ивановичъ, ужъ такая видна страсть у Константина Кузьмича; все бы онъ, что ни наестъ, рѣзалъ ножичкомъ; я ему то и дѣло твержу, что обрѣжется, да въ толкъ ничего не беретъ; такой ужъ неслухъ, просто бѣда, ворчала старуха, стараясь придать своимъ словамъ нѣкоторую строгость, а, между тѣмъ, любовно поглядывала на мальчика, успѣваго, въ это время, вскарабкаться на колѣни къ Василию Иванову.

— Такъ, такъ, батюшка; ужъ не могъ не залѣзть на колѣни; ну, статочное ли дѣло обходиться такъ съ мужикомъ: вѣдь ты баринъ, Константинъ Кузьмичъ, говорила старуха мальчику; но тотъ, не слушая ея, одною рученкой обхватилъ шею Василя Иванова, а другою, съ особеннымъ удовольствіемъ, разглаживалъ его бороду.

— Константинъ Кузьмичъ, да куда-жъ положилъ писмецо-то? спрашивала мальчика Лукинишна, перешаривая всѣ углы и заглядывая даже подъ диванъ и стулья.

— Сейчасъ, сейчасъ Лукинишна, отвѣтилъ мальчикъ; проворно соскочивъ на полъ, на секунду онъ задумался и, вспомнивъ наконецъ куда швырнулъ письмо, подскочилъ къ столу и дернулъ, покрывавшую его, бѣлую, вязаную салфетку; двѣ сальныя свѣчи, въ высокихъ мѣдныхъ подсвѣчникахъ, упали на полъ и стеклышки разбились въ дребезги.

— Ну, такъ, ну, такъ, ворчала старуха, качая головой и поднимая съ пола, разломавшіяся на нѣсколько кусковъ, свѣчи.

— Экой, прости Господи, вѣтрогонъ ты, Константинъ Кузьмичъ, и что это изъ тебя выйдетъ, только Богу единому извѣстно. Нечего сказать радуется своего папеньку: то платье изорветъ, то въ грязи перепачкается

и словно трубочистомъ явится домой, а теперь поди-ка съ нимъ, какой пассажъ выкинулъ. Балуетъ тебя Кузьма Кузьмичъ, больно балуетъ, не къ добру это поведетъ; но мальчикъ, не слушая патетическаго монолога старухи, скакалъ передъ нею съ письмомъ въ рукѣ, заливаясь звонкимъ смѣхомъ, а ему вторилъ басовой хохотъ Василя Иванова.

— Тыфу, проваль васъ возьми, ишь заливаются, пробормотала, сквозь зубы, старуха и вышла въ переднюю за щеткой, чтобы подмести разлетѣвшіеся по полу осколки стекла.

— Экой вы, баринъ, въ самомъ дѣлѣ, озорникъ, обратился къ мальчику Василій Ивановъ, отирая, обшлагами сюртука, крупныя капли пота, выступившаго на лбу отъ сильнаго смѣха.

— И щетки-то на грѣхъ не найду, слышался, за стѣной, голосъ старухи, а Кузьма Кузьмичъ того и гляди вернется изъ присутствія.

Мальчикъ, между тѣмъ, весело скакалъ по комнатѣ, какъ молодой козленокъ.

— Василій Ивановичъ, голубчикъ, спрячь меня куда нибудь, обратился онъ къ Василю Иванову.

— Полно вамъ баловать-то; нешто не надоѣло, уговаривалъ его Василій Ивановъ; но мальчикъ успѣлъ уже приставить стулъ къ небольшому, стоявшему въ углу комнаты, близъ дверей, шкапу, живо вскочилъ на стулъ и схватился обѣими рученками за верхній косякъ шкапа, но, не удержавшись, упалъ, опрокинувъ стулъ, передъ входящею, со щеткою въ рукѣ, старухой.

— Съ нами сила крестная! проговорила она испугавшись, и хотѣла было уже читать мальчику нотацію, но увидѣвъ, что тотъ сидитъ на полу и чуть не плачетъ, бросилась поднимать его, приговаривая: Константинъ

Кузьмичъ, голубчикъ мой, не ушибся ли родной? дай посмотрю ножку-то, ишь ты ступить на нее не можешь.

Мальчикъ дѣйствительно еле становился на ногу, но, преодолевъ боль и удержавъ готовя брызнуть изъ глазъ его слезы, сдѣлалъ шага три и сѣлъ на стулъ.

— Ничего, ничего, Лукинишна, пройдетъ... несвязно бормоталъ онъ.

— Охъ, молодость, молодость, все шалить, да шалить, вѣдь не равенъ часъ, можетъ и худымъ кончиться: ну, колибъ сломалъ ногу? вотъ радость-то была бы намъ! говорила старуха, нѣжно поглядывая на мальчика, который распрямлялъ ушибенную ногу и пробовалъ на нее встать.

— Прошло, право прошло, Лукинишна, тараторилъ мальчикъ; вотъ гляди: я вѣдь стою, право стою, — и дѣйствительно онъ ужъ стоялъ молодцомъ.

— А ты на меня не сердись, Лукинишна?

— Да развѣ на тебя можно сердиться, голубчикъ ты мой, и старуха поцѣловала мальчика въ обѣ щеки.

Выметя комнату, она вспомнила про письмо и, не желая спросить о немъ Костю, чтобы не повторилась, пожалуй, опять прежняя исторія, стала шарить въ углахъ и заглядывать подъ стулья.

— Ты чего ищешь, Лукинишна, вѣрно письма? спрашивалъ ее мальчикъ, оно у меня въ карманѣ.

— Ну, ладно, ладно, покажь, родимый.

Мальчикъ вынулъ письмо изъ кармана своихъ ситцевыхъ, клѣтчатыхъ штанишекъ и подалъ его Василию Ивановичу; тотъ высморкался, разгладилъ бороду, крикнулъ и, сдѣлавъ серіозную мину, наконецъ началъ читать, по временамъ останавливаясь, чтобы разобрать попадавшіеся, нечетко написанныя, строки.

„Матушка моя...“

— Стой, стой, Василий Ивановичъ, начало я ужъ прочелъ; вотъ смотри, егозилъ мальчикъ, показывая рученкой то слово въ письмѣ, на которомъ остановился, — съ этихъ мѣстъ читай.

— Ладно, ладно, отвѣтилъ улыбаясь Василий Ивановъ и продолжалъ:

„Проживаю я у того же хозяина; съ новаго года прибавилъ онъ мнѣ жалованья, а потому, теперича, получаю я отъ него будетъ безъ малаго рублей триста.“ Прочтя это Василий Ивановъ не могъ не остановиться и не высказать своего удивленія. — Эко житье, подумаешь, знатное въ Питерѣ-то! триста рублей получаетъ подмастерье, а здѣсь чего ужъ: самъ хозяинъ и столярничаетъ, почитай, нехуже питерцевъ, да и то въ годъ-то этакихъ денегъ не выручишь.

— Ну тамъ вѣдь другое дѣло, Василий Ивановичъ, разсуждала Лукинишна, въ нашемъ городѣ только и есть енераловъ-то трое: губернаторъ, да еще два засѣдателя палатъ, а тамъ, слыхала я, цѣлыми улицами живутъ енералы, князья да графы; а ужъ такая знать, безпремѣнно, и деньги мастерамъ платитъ большія.

— Доподлинно такъ; эхъ, если бы воля, махнулъ бы въ Питеръ! Да и взаправду, что за житье-то здѣсь: говорятъ хлѣбъ дешевъ, хлѣбъ дешевъ... да вѣдь его надо-тъ заработать; оно, конечно, хоша работа-то и есть, да все какая-то мелкота, да и наровятъ больше въ долгъ; къ иному ходишь, ходишь, подошвы у сапогъ протрешь, подкинешь подметки и тѣ сносишь, а все одинъ отвѣтъ: „подожди, заплачу“; особливо чиновники — завзятый народецъ: съ рѣдкаго изъ нихъ получишь за разъ, а все больше довольствуешься получкою по полтинѣ въ мѣсяцъ. — „Мы, говорятъ, и рады бы, да самъ знаешь, жалованья на чай не достаетъ, а доходишки не Богъ знаетъ

какіе, на нихъ-то не много разгуляешься“. — Не разгуляешься! проговорилъ съ сердцемъ Василій Ивановъ, — а кто велитъ заказывать небель на пружинѣ? коли нѣтъ денегъ, такъ и сиди на деревянныхъ стульяхъ.

— Охъ, Василій Иванычъ, грѣхъ тебѣ роптать на Господа, обратилась къ нему Лукинишна, — вѣдь ты безъ году недѣля переѣхалъ изъ деревни въ городъ, а, въ добрый часъ молвить, живешь почище многихъ чиновниковъ: вотъ у тебя каждый день щи съ говядиной, да каша, а въ праздникъ и пирогъ бываетъ, а посмотритко, какъ иное благородіе, по цѣлымъ недѣлямъ, пустыми щами пробавляется.

— Да... оно, пожалуй, такъ. Бога гнѣвить нечего, отвѣтилъ, закусивъ языкъ, Василій Ивановъ.

На дворѣ послышался визгъ собаки; мальчикъ взглянулъ въ окно и, увидѣвъ человѣка, передъ которымъ прыгала почти до плечъ, визжавшая отъ радости, дворовая собака, выбѣжалъ во дворъ безъ шапки, чуть не сбивъ съ ногъ Лукинишну, крича во всѣ легкія: „папка идетъ, папка идетъ!“

— Ахъ ты, Господи, а я еще и на столъ не накрыла, засуетилась Лукинишна.

Василій Ивановъ всталъ, одернулъ длиннополый свой сюртукъ, разгладилъ бороду, обѣими руками провелъ по волосамъ, положилъ письмо на столъ и принялъ почтительную позу.

II.

— Здорово, Василій Иванычъ, входя въ комнату, обратился къ Василию Иванову Кузьма Кузьмичъ Грубинъ — такъ звали отца Кости.

— Здравствуйте, ваше благородіе, Кузьма Кузьмичъ; а я мимо шелъ, да думаю, дай зайду, да покалякаю, отвѣтилъ Василій Ивановъ, низко кланяясь и пожимая, протянутую ему Грубинымъ, руку.

— И ладно, спасибо, что не забываешь. Экая погодка: теплынь такая, что хоть безъ сюртука ходи, проговорилъ Кузьма Кузьмичъ, передавая Костѣ палку и фуражку; тотъ, повертѣвъ палку въ рукахъ, поставилъ ее въ уголъ и навѣсилъ на нее фуражку.

— Какъ ты поживаешь, Василій Ивановичъ? Да что ты все стоишь, вырасти, вѣрно, хочешь? Садись-ка рядкомъ, обратился Грубинъ къ Василю Иванову.

— Ничего-съ, мы и постоимъ, отвѣтилъ Василій Ивановъ.

— Да полно же. Садись, настаивалъ Грубинъ.

Василій Ивановъ поклонился, крикнулъ и сѣлъ возлѣ Грубина, положивъ обѣ руки на колѣни.

— Какъ поживаешь? спрашивалъ его Грубинъ.

— По маленьку-съ. Богъ милуетъ. Позавчера подрядъ взялъ: поставить двери и рамы въ домъ, что у васъ на задахъ отстраивается, отвѣтилъ Василій Ивановъ.

— А за много-ли? обратился къ нему Грубинъ.

— Да за 300 рублей. Цѣна хорошая.

— Папка, панка! Лукинишна письмо отъ Петра получила. Онъ здоровъ; ему денегъ прибавили, тараторилъ Костя, перебирая рученкой пуговицы на сюртукѣ отца.

— Ну и слава Богу, отвѣтилъ Грубинъ.

Василій Ивановъ приподнялся съ креселъ.

— Это куда? обратился къ нему Грубинъ.

— Да мнѣ пора и до дома, отвѣтилъ Василій Ивановъ.

— Вздоръ, вздоръ, пообѣдай съ нами, уговаривалъ его Грубинъ.

— Я уже обѣдалъ.

— Ну, так посиди, поболтаемъ. Лукинишна, чтобы ты намъ водочки дала, обратился Грубинъ къ Лукинишнѣ, разставлявшей приборы на столѣ.

— Сейчасъ, отозвалась Лукинишна; и принеся, на маленькомъ подносѣ, графинъ съ водкою, двѣ рюмки и на тарелкѣ черный хлѣбъ и, наръзанные ломтиками, соленые огурцы, поставила закуску на окно.

— Попробуй-ка полынной — это издѣліе Лукинишны; водочка забористая, обратился Грубинъ къ Василию Иванову, наливъ ему рюмку водки.

Василій Ивановъ взялъ двумя пальцами рюмку и проговоривъ: „желаю здравствовать“ отвѣсилъ поклонъ, выпилъ не залпомъ, а по немногу, какъ человекъ, понимающій смакъ въ водкѣ, и, поставивъ осторожно рюмку на подносъ, откашлянувшись, стеръ губы ладонью и закусилъ кусочкомъ черного хлѣба. Кузьма Кузьмичъ, въ свою очередь, тоже выпилъ рюмку водки.

— Папка, дай мнѣ, обратился Костя къ отцу.

— И ты туда же, молокососъ. Ну, на, отвѣтилъ Кузьма Кузьмичъ и, наливъ нѣсколько капель водки въ рюмку, подаль ее сыну. Костя проглотилъ и сморщился.

— Что не нравится? спросилъ его Кузьма Кузьмичъ.

— Горько. Какъ ты это пьешь такую дрянь, отвѣтилъ Костя, сдѣлавъ гримасу.

Сѣли за столъ.

— Такъ дѣла твои ладно идутъ? спрашивалъ Кузьма Кузьмичъ Василю Иванова, подавая ему налитую тарелку супу.

— Да какъ вамъ доложить: ни шатко, ни валко, ни на сторону. Оно можно бы жить, да вотъ что неладно: сегодня я живу, имѣю мастерскую, а что завтра со мною будетъ, въ томъ неизвѣстенъ.

— Экой ты, чудакъ, какой! что еще хотѣлъ знать. Ко-

нечно никто не можетъ знать будущаго, обратился Кузьма Кузьмичъ къ Василию Иванову, пережевывая кусокъ говядины.

— Вы не такъ меня, Кузьма Кузьмичъ, поняли. Не въ томъ дѣло. Вѣстимо все въ руцѣ Божіей. Да не отъ одного Бога нашъ братъ крѣпостной зависить. Вотъ хошь къ примѣру взять меня: сегодня я здѣсь, держу мастеровыхъ, имѣю кой-какіе заказы, живу и охъ не молвлю, а завтра вдругъ пришлетъ приказаніе баринъ, т. е., не баринъ — онъ вѣдь у насъ все въ Питерѣ проживаетъ — а управляющій, воротись, дескать, въ деревню; „вотъ тебѣ бабушка и юрьевъ день,“ отвѣчалъ Василій Ивановъ.

— Будто ужъ у васъ такой управляющій? спросилъ его Кузьма Кузьмичъ.

— Не накажи Богъ какой! что ни наестъ злющій. По-запрошлый годъ, какъ я вздумалъ въ городъ переѣхать, такъ, почитай, цѣлыѣ полгода кланялся ему. На силу то разрѣшилъ и то, нехристь, десятирублевую стянуть, да оброку надбавилъ: прежде платилъ съ тягла двадцать рублей и землею пользовался, а нонече безъ земли плачу тридцать пять; глядишь, на будущій годъ, опять прибавить — вотъ какова наша жизнь-то! А поди жалѣйся: до барина далеко, да и вѣру онъ въ нашего нѣмца большую имѣетъ. — Посмотрѣть-то на нашихъ мужиковъ, такъ сердце кровью обольется: въ конецъ раззорились; у рѣденькаго лошадка, да пара коровенокъ, а иной голъ, какъ соколъ. — Вотъ, къ примѣру сказать, былъ у насъ одинъ мужикъ, напервой богачъ въ селеніи, лѣсомъ торговалъ, сплавлиалъ его по Волгѣ, въ низовые города; началъ онъ съ небольшого, съ пятисотъ рублей; да такое ему счастье потекло, что въ пять лѣтъ тысячъ десятокъ наторговалъ: бывало, какъ ни сгонить лѣсъ,

цѣны-то, въ низовыхъ городахъ, стоятъ презнатныя; смотришь—тамъ городъ погорѣлъ; хлѣба уродились богатѣющіа: лѣсъ-отъ зубами хватаютъ. Жилъ онъ съ лѣсничими въ ладу; наѣдутъ они, онъ ихъ аршинными стерлядьми подчуеъ, шинучкой, да радужными ублаготворяетъ; скупердай былъ, а тутъ, ужъ не жалѣлъ, одно слово коммерческій былъ человѣкъ. Справитъ бывало билетъ на тысячу деревъ, а гонитъ четыре: въ матушкѣ казнѣ лѣсу-то много—и все ему съ рукъ сходило. Нѣмцу нашему стало зазорно, и почалъ онъ на него зубы точить. Ты, говоритъ Пантелѣй—такъ звали мужика—богатъ, чай можешь и мнѣ удѣлить малую толику; мужикъ-то былъ съ норовомъ: „а за какую рожу я съ тобой дѣлиться долженъ; нешто мы съ тобою въ долѣ торгуемъ,“ отвѣтилъ онъ нѣмцу; нѣмецъ смолчалъ, притихъ; только, бывало, какъ увидитъ Пантелѣя, такъ ажно позеленѣетъ въ лицѣ. Дождался онъ конца зимы, да передъ весной и доѣхалъ мужика, т. е. вотъ какъ: въ конецъ раззорилъ. Извѣстно лѣсопромышленники торгуютъ не то что на весь свой капиталъ, а еще займуютъ у другихъ, да и то въ лѣсъ всадытъ. Вотъ, батюшка Кузьма Кузьмичъ, Пантелѣй выправилъ, какъ обнаковенно, билетъ на казенный лѣсъ, подрядилъ рабочихъ и послалъ ихъ съ прикащикомъ на вырубку; наступило время сплава, Пантелѣй наровилъ и самъ туда поѣхать, такъ какъ это самое важнѣйшее дѣло для лѣсныхъ торговцевъ: сплосай, да пропусти день—другой, такъ всего капитала можно рѣшиться. Нѣмецъ-то, чтобъ ему пусто было, возьми да и задержи его; тотъ туда, сюда и деньги-то ему сулить—нѣтъ, ничего не беретъ. Дождался нѣмецъ, когда вода на убыль пошла, въ то время и билетъ Пантелѣю выдалъ. Пріѣзжаетъ Пантелѣй на мѣсто сплава, такъ и ахнулъ: больше половины

вырубки на мѣстѣ въ лѣсу лежитъ, а вода спала, надо наймовать рабочихъ лѣсъ волочить, тутъ ужъ не до барышей: дай Богъ нанѣтъ сойти; все это справилъ Пантелѣй, но, съ проволочкой, времени утекло много, лѣсъ гнали поздно осенью, а тутъ застигни еще буря и разнесло его во все стороны: гдѣ бревно, гдѣ десятокъ, а гдѣ и сто въ затонахъ матушки Волги; вотъ и ищи лѣсъ-то. Такъ всего капитала и рѣшился. Опосля спился съ горя. — Такъ-то, батюшка, Кузьма Кузьмичъ, вотъ наша жизнь-то; своимъ ничего не зови: дѣти и то не наши; приглянулась дѣвка барину, или управляющему и тащутъ ее на барской дворъ, а тамъ ужъ, вѣстимо, чѣмъ дѣло кончается; поди, опосля, судись: бунтовщикомъ опорочутъ, — неровень часъ и на поселеніе угодишь.

— И нашему житію не завидуй, Василій Ивановичъ: понравился и ладно, а не потрафилъ, такъ уволятъ тебя и вся недолга. А къ намъ новый начальникъ пріѣхалъ: генераль Любимовъ; завтра представляться будемъ.

— Это для него значить квартиру отдѣлываютъ, въ домѣ, что на задахъ у васъ? Мнѣ сказывалъ хозяинъ дома, что для какого-то пріѣзжаго енерала.

— Должно быть для него. Лукинишна, а ты приготовь къ завтраму мундиръ, да почисти его хорошенько, обратился Грубинъ къ Лукинишнѣ.

— Ладно, родной, ладно, отвѣтила та, убирая со стола.

— Ну, прощайте батюшка, Кузьма Кузьмичъ; къ намъ милости просимъ, обратился Василій Ивановъ къ Грубину.

— Какъ время будетъ зайду, отвѣтилъ Грубинъ, протягивая Василію Иванову руку.

— Я съ тобой пойду, Василій Ивановичъ, подожди, только фуражку возьму, егозилъ Костя.